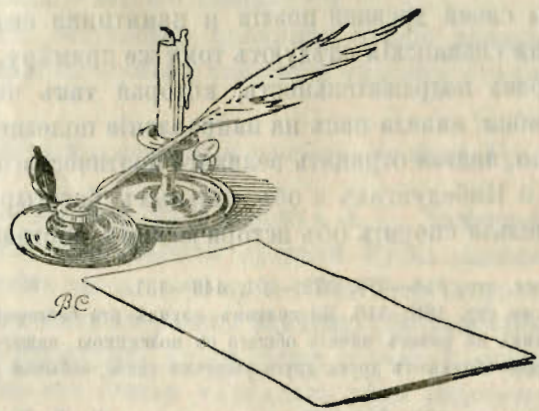

веденій народной поэзіи, собранныхъ трудолюбіемъ такихъ людей, какъ Форіель; но должно признаться, что, обогащая міръ художества и науки, онъ не вносятъ ничего живого въ самую жизнь»...

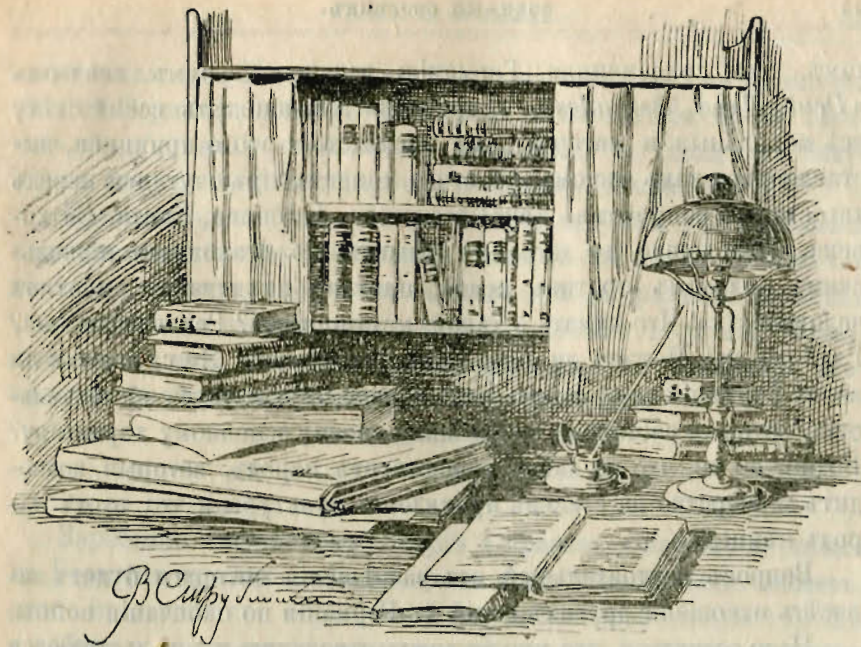
«Иное дѣло археологія въ земляхъ славянскихъ. Тутъ она явилась силою живою и плодотворною; тутъ пробудила она много сердечныхъ сочувствій, которыя до тѣхъ поръ не были сознаны и глохли въ мертвомъ забвеніи; возобновила много источниковъ, занесенныхъ и засыпанныхъ чужеземными наносами... Важнѣе же всего та истина, добытая изъ археологическихъ изслѣдованій, истина, еще не всею признанная и даже многими оспариваемая съ ожесточеннымъ упорствомъ, что вѣра православная была первою воспитательницею племенъ славянскихъ, и что отступничество отъ нея нанесло первый и самый жестокий ударъ ихъ народной самобытности. Полное и живое сознание этой истины будетъ великимъ шагомъ впередъ: оно не минуетъ. Богатые плоды уже добыты наукою для современныхъ славянъ; но впереди можно смѣло ожидать жатвы еще богатѣйшей»⁴⁹⁾.

П. Гейсмансъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁹⁾ Пѣсни, которымъ посвящено предисловіе, были напечатаны въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852 года.

Германія и война.¹⁾

Но поводу безпощаднаго и варварскаго веденія войны германцами, журналъ «Revue des Deux Mondes» помѣстилъ интересное письмо Эмиля Бутру, которое приводимъ здѣсь.

Фактъ, который съ самаго начала войны поразилъ весь міръ, это то пограніе божескихъ и человѣческихъ законовъ, которое съ первыхъ же шаговъ обнаружила Германія. Совершенныя преступленія такъ громадны, что часть общественнаго мнѣнія нейтральныхъ странъ, присоединяясь къ официальнымъ завѣреніямъ представителей нѣмецкой науки и искусства, *a priori* отвергла самую возможность совершенія ихъ. *They cannot have done that* (Они не могли этого сдѣлать) слышимъ мы съ разныхъ сторонъ.

Однако всею, кто не стремился подъ видомъ нейтралитета поддержать дѣло нѣмцевъ, пришлось сдаться очевидности. Было слишкомъ яснымъ, согласно самымъ неопровержимымъ анке-

¹⁾ «Revue des Deux Mondes» отъ 15-го мая 1916 г. — Эмиль Бутру, членъ французской академіи наукъ.

тамъ, что современная Германія, взявшая своимъ девизомъ «*Deutschland über alles*», ²⁾ предполагала навязать всему свѣту всѣ моральныя и матеріальныя послѣдствія этого принципа, выставленнаго какъ аксіома. Съ этого момента міръ очутился передъ тягостнымъ вопросомъ. Какъ! отечество Лейбница, Канта, Бетховена, Гёте дошло до того, что умышленно становится дьявольскимъ оплотомъ противъ права, противъ цивилизаціи, противъ человѣчества! Что думать о такой метаморфозѣ? Реальна ли она? Глубока ли? Можетъ ли она быть длительной? Не сдѣлается ли вновь Германія сама собою, какъ только исчезнутъ тѣ обстоятельства, которыя заставили ее измѣнить своему основному характеру? Возможно ли, что на свѣтѣ существуетъ народъ, который возводитъ варварство на степень проявленія культуры и что этотъ народъ нѣмцы?

Вопросъ настоятельный, отъ разрѣшенія котораго будетъ зависѣть отношеніе другихъ націй къ Германіи по окончаніи войны.

Надо сознаться, что многіе довольствовались и довольствуются такимъ отвѣтомъ: «Да, Германія измѣнилась, преобразилась, стала неузнаваемой». Но это только случайное и временное явленіе, даже нормальное; это чисто физиологическая реакція организма, борющагося на смерть, организма, который пользуется безразлично всѣми средствами, находящимися въ его распоряженіи, чтобы побороть непріятеля. Разъ борьба будетъ окончена, организмъ, не ощущая болѣе опасности, естественно вновь вернется къ своему прежнему состоянію.

Это объясненіе натуралиста, равнодушнаго къ урокамъ исторіи, возразятъ тѣ, которые наблюдали эволюцію Германіи, въ особенностяхъ съ 1864 г. Но, среди послѣднихъ, многіе удовлетворяются въ свою очередь допущеніемъ, что въ Германіи, вслѣдствіе гегемоніи Пруссіи, мало-по-малу вкоренился милитаризмъ. Уничтожьте, говорятъ они, прусскій милитаризмъ, и благодарная Германія вновь станетъ той мирной и идеалистической страной, за процвѣтаніемъ которой міръ слѣдилъ съ симпатіей.

На ряду съ этими толкованіями, болѣе или менѣе оптимистическими, явилось и толкованіе совершенно противоположное. Роясь въ самомъ отдаленномъ прошломъ Германіи, многіе ученые думали найти тамъ доказательство устойчивости Германіи, все той же въ теченіе вѣковъ, въ своихъ основахъ, каковы бы ни были поверхностныя изліянія ея теологовъ, ея философовъ, ея поэтовъ,

²⁾ Германія превыше всего на свѣтѣ.

ея музыкантовъ. И эта вѣчная Германія нисколько не разнилась отъ той Германіи, которую мы видимъ въ настоящее время. Мечтать объ обращеніи германскаго духа было бы такимъ же безуміемъ, какъ ожидать превращенія волка въ ягненка.

Признаюсь, говоритъ Эмиль Бутру, что мой умъ находится подъ давленіемъ этого толкованія, которое все вновь появляется во всѣхъ книгахъ, получаемыхъ мною изъ за границы, во всѣхъ разговорахъ съ представителями нейтральныхъ державъ. Позвольте ли вы мнѣ, господинъ редакторъ и дорогой товарищъ, указать на то рѣшеніе, къ которому я готовъ прийти.

Зародыши современныхъ теорій и нравовъ я нахожу не только въ Германіи среднихъ вѣковъ, столь тщательно и, быть можетъ, столь несовершенно обращенной къ христіанской доктринѣ любви и добра, но и въ новѣйшей идеалистической Германіи, которую такъ охотно, въ видѣ контраста противопоставляютъ Германіи настоящаго времени.

Нѣмецкая мысль, въ томъ видѣ какой ее создали Лютеръ, Лейбницъ, Кантъ, Гёте и Бетховенъ, была разностороння, разнообразна и удивительно богата. Принципамъ, которые мы привели, въ извѣстной мѣрѣ составили противовѣсъ другіе, совершенно противоположные.

Мало смущаясь противорѣчіемъ, такъ какъ ей нравилась доктрина, что высшій разумъ умѣетъ соединить въ трансцендентальномъ синтезѣ тѣ самые принципы, которые обыкновенный умъ считаетъ несомвѣстимыми, нѣмецкая мысль культивировала съ одинаковымъ жаромъ идеализмъ и реализмъ, объективизмъ и субъективизмъ, искусство и повседневную практичность, низкія и благородныя свойства человѣческой природы.

Начиная съ 1648 г., года Вестфальскаго договора, и въ теченіе послѣдующихъ 1806, 1813, 1815, 1864, 1866, 1870 годовъ, Германія среди различныхъ принциповъ, которые она питала, производила соотвѣтственный выборъ. Отбрасывая тѣ, которые не отвѣчали болѣе настоящему направленію ума, развивая исключительно и систематично другіе, она достигла того, что стала очень существенно отличаться отъ самой себя. Этимъ объясняется горестное и даже какъ бы недовѣрчивое удивленіе, которое испытываютъ многіе, знавшіе Германію до 1870 г., въ ту эпоху, когда ея

судьбы не казались еще такъ опредѣленно и окончательно намѣченными. Тогда, конечно, прежнія разностороннія направленія свелись, видимо, къ двумъ тезисамъ: Германія выше Пруссіи, Пруссія выше Германіи; и между двумя подобными тезисами никакого примиренія быть не могло. Но тогда еще можно было спрашивать себя, которое изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ направлений одержитъ верхъ. Послѣ 1870 г. сомнѣнія больше быть не могло.

Германія настоящаго времени не есть, попросту, непосредственное развитіе прежней Германіи. Въ то же время она не является и фатальнымъ послѣдствіемъ неожиданнаго скороспѣлаго развитія. Это до нѣкоторой степени случайное сочетаніе въ-ковыхъ наклонностей нѣмецкой души. Какъ же произошло это сочетаніе?

Въ послѣднее время часто повторяли слова Фридриха II: «Я сперва захватываю, зная, что всегда найдутся спеціалисты, которые сумѣютъ доказать, что я былъ въ своемъ правѣ». По этому взгляду слѣдовало бы искать объясненія поведенія нѣмцевъ единственно въ инстинктахъ, въ аппетитахъ, т.-е. въ импульсивныхъ силахъ нѣдръ нѣмецкой души. Напрасно выдвигаютъ они идеи, принципы и рассужденія, которые выдаютъ за причины и мотивы своихъ дѣйствій. Невозможно допустить, чтобы подобные акты дѣйствительно могли въ какой бы то ни было степени явиться плодомъ разума, и волей неволей приходится придерживаться въ этомъ случаѣ рассужденія, что мысль, это только отблескъ поступковъ. Поэтому предполагаютъ, что нѣмецкія теоріи, которымъ міръ удивляется, ничто иное, какъ оправданіе *post factum* образа дѣйствія, не обоснованнаго на какой бы то ни было продуманной и серьезной мысли. Изъ этого заключаютъ, что если когда-нибудь нѣмцы встрѣтятся съ матеріальной невозможностью удовлетворять своимъ инстинктамъ, то всѣ эти постыдныя доктрины разсѣются, какъ по волшебству. Но согласно ли это столь простое толкованіе съ дѣйствительностью?

Въ другихъ странахъ идеи, по отношенію къ фактамъ, по отношенію къ проявленіямъ, иногда и играютъ скорѣе роль эпифеноменовъ, чѣмъ причинъ. Въ Германіи онѣ несомнѣнно сыграли свою роль. Каково было первоначальное происхожденіе этихъ германскихъ идей, вліяніе которыхъ устанавливаетъ историкъ? Никто

не сможетъ этого сказать: въ глубинѣ человѣческой души мысль, воля и чувство тѣсно связаны между собою и постоянно воздѣйствуютъ и вліяютъ другъ на друга. Но не повѣрять, что мысль сама по себѣ, мысль сознательная, способна сама оказать непосредственное вліяніе, и Германія является намъ исключительно разительный примѣръ такого рода воздѣйствія.

Начиная съ 1648 г. мы видимъ, какъ нѣмецкіе мыслители стараются все систематичнѣе и систематичнѣе насадить въ нѣмецкой душѣ ту идею, что состояніе раздробленности, въ которомъ находится Германія и ея зависимость, по отношенію къ иностраннымъ державамъ, противны ея геніальности и ея судьбамъ и что сплотившись и сознавъ свою своеобразность, Германія будетъ въ состояніи противостоятъ всему міру, пока не достигнетъ господства. Эта мысль, которая явится въ 1841 г. основной темой пѣсни: «*Deutschland über alles*», въ XVII вѣкѣ не была продуктомъ движенія историческихъ фактовъ, такъ какъ тогда Германія была радикально и, какъ казалось, на вѣки вѣчные раздроблена: это была напротивъ реакція духа противъ факта. И это именно изъ нѣдръ германской мысли, мало по малу, пользуясь событіями, эта идея воплотилась и получила реальное осуществленіе.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ способѣ, какимъ произошла эта эволюція, было бы не бесполезно рассмотреть нѣкоторыя положенія, странныя на первый взглядъ, которыя играютъ важную роль въ нѣмецкой философіи; это понятія о трансцендентальномъ сознаніи, о бессознательно присущей финальности, о конкретности міро-зданія и о міровомъ волевомъ началѣ.

Эти понятія суть различныя выраженія той мысли, что индивидуальное сознаніе можетъ быть направляемо, управляемо, измѣняемо, по усмотрѣнію, идеальнымъ общимъ планомъ, который, будучи болѣе реальнѣе, чѣмъ сами эти сознанія, господствуетъ надъ ними, проникаетъ въ нихъ и до извѣстной степени пересоздаетъ ихъ. Такимъ образомъ, по Давиду Штраусу, не воплощенный Иисусъ видимаго міра основалъ христіанство и является его душою и двигателемъ, а Иисусъ идеалистическій, который одинъ можетъ быть совершенствомъ бытія и силы. Германскій планъ, способъ осуществленія этого плана, методъ, по которому для этого осуществленія будутъ использованы событія—все это живыя силы, воздѣйствующія на нѣмецкія сознанія и съ которыми эти сознанія могутъ и должны отождествляться.

И все происходитъ такъ, какъ будто нѣмецкое Провидѣніе ве-

детъ фатально нѣмецкія души къ предначертанной имъ этимъ Провидѣніемъ дѣла. Итакъ, 1813, 1864—66—71 и 1914 гг. съ германской точки зрѣнія лишь послѣдовательные моменты одного общаго логически развивающагося процесса. Въ 1813 г. германское «я» освобождается отъ иностраннаго ига. Съ 1864 по 1871 г. это «я» достигаетъ могущества путемъ внутренняго объединенія. Въ 1914 г. оно начинаетъ агрессивныя дѣйствія для созданія себѣ большаго простора.

По мѣрѣ того, какъ разворачиваются событія, ихъ истолковываютъ какъ откровенія и прогрессивное выполненіе плана, порожденнаго германскимъ сознаниемъ. Люди чувствуютъ себя избранниками и пассивными орудіями высшей воли. Они больше не мыслятъ, они не дѣйствуютъ болѣе самостоятельно по своей волѣ: какъ въ нихъ, такъ и ими самими всецѣло осуществляется общая германская идея.

Въ чемъ же состоитъ этотъ планъ, зачатый и лелѣемый германской волей и мыслью, какъ нѣчто реальное, что дѣйствительно царить надъ людьми, и внутри ихъ порождаетъ ихъ мысли и поступки?

Этотъ планъ, это сокращенная исторія всего міра; это цѣлая серія моментовъ, черезъ которые онъ долженъ пройти, чтобы выполнить свое предназначеніе.

Первая фаза—это хаосъ; силы, изъ которыхъ состоитъ міръ дѣйствуютъ вначалѣ такъ, какъ будто каждая существуетъ одна на свѣтѣ, какъ будто каждая независима и одарена свободой дѣйствія. Лишенные всякой координаціи, всякой организаціи, эти силы производятъ только кратковременныя сочетанія и сами же разрушаютъ свои нелѣпыя порожденія.

Второй моментъ, это появленіе въ нѣдрахъ этой разнородности и этой радикальной неустойчивости сознанія, мысли, понятія. Это не извнѣ, не чудомъ мысль явилась парить надъ этимъ хаосомъ, гдѣ сталкиваются первобытныя силы. Это изъ глубины самаго хаоса, благодаря борьбѣ, которую элементы ведутъ между собою, въ назначенной судьбою часъ зарождается идея. Въ самомъ нѣдрѣ хаоса нѣкоторыя сочетанія являются болѣе прочными, болѣе сильными, чѣмъ другія. Идея есть сознаніе той причины, по которой эти сочетанія обладаютъ подобнымъ преимуществомъ. Этой причиной является систематизація, организація, которая изъ

множественнаго образуетъ единство, изъ раздѣльнаго создаетъ цѣлое. Съ этого времени идея возстаетъ передъ лицомъ хаоса и индивидуализма, какъ подтвержденіе превосходства и побѣды единства, иначе говоря, организаціи. Идея—это заповѣдь осуществлять совокупность, какъ единство.

Третья фаза—это организація не только центрального ядра, но и совокупности всего міра; это объединеніе, методично распространяющееся, дѣлающееся болѣе сплоченнымъ и совершеннымъ по мѣрѣ того, какъ, благодаря своимъ пораженіямъ въ борьбѣ противъ идеи, отдѣльные элементы (отдѣльныя личности) и цѣлыя группы элементовъ (группы человечества) освобождаются отъ своего стремленія къ индивидуальности и независимости.

Германія проявила себя въ Тевтобургскомъ лѣсу, въ 9 г. по Р. Хр., силой, не только враждебной могуществу латинскому, но вообще силой по своему существу воинственной. И въ самомъ дѣлѣ, не въ свѣтлыхъ храмахъ классической мудрости, а только среди ужасовъ войны идея будетъ въ состояніи обрѣсти ту матеріальную силу, въ которой она нуждается, чтобы имѣть возможность насильно навязать себя непокорнымъ націямъ, упорнымъ въ отстаиваніи своей независимости.

Побороть латинянь, создать и заставить восторжествовать теорію культуры морально, религіозно и интеллектуально противоположную принципамъ классической цивилизаціи—такова задача, выпавшая на долю Германіи.

А идея греко-латинская состояла въ томъ, что человѣкъ, обладающій добродѣтелью и собственнымъ достоинствомъ, можетъ увеличить ихъ, стараясь приблизиться къ идеалу истины, красоты, справедливости и доброты, идеалу, который постигается человѣческимъ разумомъ.

Германская идея слѣдовательно будетъ отрицаніемъ всякаго достоинства и добродѣтели, свойственныхъ человѣку по его сущности; это будетъ сосредоточіемъ въ совокупности, какъ единицѣ, какъ реальности существенной и высшей; выше какой бы то ни было добродѣтели, какой бы то ни было мощи, какого бы то ни было превосходства; и это будетъ низведеніемъ человѣческихъ личностей на ступень простыхъ инертныхъ составныхъ частей, получающихъ отъ цѣлаго, которое они составляютъ, всю свою дѣятельность, все свое значеніе, всю свою реальность.

Германія должна думать только о себѣ. Эгоизмъ это ея законъ. Причина этому очень проста: Германія носитъ въ себѣ все

то, что можетъ возвысить и прославить человѣчество, тогда какъ націи земныя, дѣти рода человѣческаго представляютъ изъ себя лишь производныя и низшія формы бытія. Германія исчерпывающе понимаетъ идеи, исторію, языкъ и стремленія народовъ и дѣлаетъ имъ справедливую оцѣнку. Но другіе народы не могутъ постичь и оцѣнить того, что касается Германіи. Вотъ то, что нѣмцы безъ устали стараются объяснить всему свѣту. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ философъ Вильгельмъ Вундтъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «*Die Nationen und ihre Philosophie*», 1916 г. (стр. 78) оцѣниваетъ участіе французовъ до войны въ подготовкѣ интеракадемическаго изданія сочиненій Лейбница: «французы предложили интернаціональному обществу академій довѣрить французской и берлинской академіямъ трудъ сообща издать полное изданіе сочиненій Лейбница. Но именно тѣ идеи, которыя составляютъ суть философіи Лейбница, остались непонятыми французскою мыслью. Въ этой философіи, германская реформа, германская мистика и сверхъ всего германская манера исчерпывающе разрабатывать проблемы примѣняли слишкомъ жизненный методъ, чтобы эта философія могла пустить прочные корни во французской почвѣ». Такимъ образомъ все нѣмецкое превосходитъ пониманіе другихъ народовъ: нѣмецкая религія, нѣмецкая нравственность, нѣмецкая музыка, нѣмецкая поэзія, нѣмецкая наука, нѣмецкое благородство души.

Что касается однако нѣмецкаго эгоизма, то онъ не таковъ, какъ эгоизмъ другихъ народовъ.

Когда дѣло касается Германіи, абсолютный эгоизмъ идентиченъ съ абсолютной преданностью человѣчеству, потому что Германія — соль земли и все то, что полезно ей, отражается благотѣтельно на цѣломъ мірѣ. У Германіи есть нравственный долгъ довольствоваться самой собою, думать и дѣйствовать только для себя и только самой по себѣ. Она одна обладаетъ свойствомъ дѣла въ себѣ (*Zweck an sich selbst*), которое Кантъ, подъ влияніемъ французскаго индивидуализма, считалъ долгомъ приписать всѣмъ людямъ, всѣмъ націямъ. Націи идутъ по вѣрному пути только тогда, когда онѣ играютъ по отношенію къ Германіи роль средства или орудій.

Германіи одной должна быть предоставлена сила, при посредствѣ которой только и можетъ быть водворенъ миръ и справедливость среди людей. Подъ господствомъ Германіи народы обрѣтутъ истинныя блага, которыя они не смогли бы отвоевать сами по

себѣ: безопасность, порядокъ, методичность, роль, которая соотвѣтствуетъ ихъ достоинствамъ и способностямъ, средства для извлеченія наибольшей выгоды изъ матеріальныхъ данныхъ и ихъ способностей. Способствовать, какъ вспомогательные органы существованію и развитію высшаго организма, это для всего живого болѣе высокое назначеніе, чѣмъ образованіе, оставаясь изолированными, организмовъ индивидуальных, независимыхъ, но элементарныхъ.

Первая фаза возрожденія состоитъ такимъ образомъ для народовъ въ отреченіи отъ своей независимости, чтобы подняться на степень орудій нѣмецкой воли. Но есть еще степень высшаго совершенства, на которую великодушіе Германіи позволяетъ имъ претендовать. Германія не только воплощеніе единства, она кромѣ того и притомъ она одна является олицетвореніемъ принципа истинной свободы. Она обладаетъ и можетъ требовать обладанія той свободой, которая состоитъ не въ произвольномъ распоряженіи самимъ собою, не въ стремленіи, въ силу яко бы присущей индивидуальной свободной воли, т. е. силы возстающей противъ цѣлаго, а состоитъ въ отождествленіи съ цѣлымъ, которое ни что иное, какъ олицетвореніе Бога. Раздѣляя съ Богомъ потребность въ распространеніи, которое характеризуетъ безконечное, Германія расширяетъ свои предѣлы и естественно дѣлается защитницей націонализма и свободы народовъ. Напрасно эти народы полагали бы, что обладаютъ своею особою личностью и стремленіемъ развиваться согласно съ особенностями своихъ свойствъ: если они противятся направленію, даваемому Германіей, то значить они обманываются. Только черпая изъ божественнаго источника бытія и сознанія, человѣкъ можетъ создать себѣ личность реальную, живую, достойную и способную существовать. Народы и отдѣльныя личности станутъ сами собою, облекутся въ національность и свободу, уже не воображаемую и анархическую, а дѣйствительную и нравственную только тогда, когда они станутъ способными думать и дѣйствовать не только подъ управленіемъ Германіи и въ видахъ ея возвеличенія, но въ силу самой германской души, такъ, чтобы они могли провозгласить: это уже не я живу, а это Германія живетъ во мнѣ.

Объединившись съ Германіей сознаніемъ и волей, они не будутъ уже, собственно говоря, орудіями Германіи. Они будутъ дѣйствительно сами собою, дѣйствительно свободны, такъ какъ сами собою пожелаютъ служить Германіи. Единеніе отдѣльной лично-

сти съ цѣлымъ, *Einheit des Einzelnen mit dem Ganzen*: таково нѣмецкое опредѣленіе свободы.

Такъ совершится, во всей полнотѣ, задача Германіи, которую можно было бы резюмировать слѣдующимъ образомъ: пересоздать міръ, вложивъ въ него германскую душу.

Таковъ божественный промыселъ. Какимъ же путемъ Германія станетъ осуществлять его?

Первое условіе, чтобы осуществить германскій планъ, это внѣдрить его основы въ нѣмецкіе умы, такъ, чтобы они не могли больше думать, судить, понимать и дѣйствовать иначе, какъ подъ влияніемъ германской идеи. Результатъ же этотъ можетъ быть достигнуть при посредствѣ практической науки-педагогій, принципы которой нѣмецкая философія позволитъ установить лучше, чѣмъ всякая иная философія.

Латинскіе народы, чтобы развить человѣческое существо, придерживались того, что у нихъ называлось воспитаніемъ и образованіемъ. Это воспитаніе и образованіе брали своимъ исходнымъ основаніемъ человѣческую природу, ея свойства, наклонности и стремленія.

Въ виду этого, это воздѣйствіе было сложнымъ сочетаніемъ науки и искусства, методичности и свободы, и притомъ не претендовало достигнуть намѣченной цѣли съ непогрѣшимостью научной техники. Германія же хочетъ воспитанія, которое создало бы совершенно опредѣленный умственный и нравственный складъ, какъ при извлеченіи углерода изъ чугуна получается сталь: «Намъ надо, говоритъ Фихте въ своихъ *рѣчахъ къ нѣмецкому народу*, такое воспитаніе, которое непременно порождаетъ бы то необходимое намъ, что мы имѣемъ въ виду. Дѣло въ томъ, чтобы непременно создать въ человѣкѣ непреклонную волю». Поэтому нѣмцы впредь никоимъ образомъ не будутъ считаться съ естественнымъ природнымъ развитіемъ и съ чувствами воспитываемаго. Во вниманіе будутъ приняты только одни механическіе законы психики, такими, какъ ихъ устанавливаетъ нѣмецкая наука; и эти законы будутъ примѣнены къ тому, чтобы создать въ воспитываемыхъ нѣмецкій образъ мышленія, подобно тому, какъ въ промышленности примѣняются физическіе законы, чтобы достичь опредѣленнаго физическаго результата. Понятая такимъ образомъ педагогія заслужи-

ваетъ того, чтобы ее различить отъ классическаго воспитанія и образованія, даже по названію.

Таковъ методъ, которымъ Германія замѣняетъ греко-латинское воспитаніе и образованіе. Какъ же она воспользуется имъ?

Цѣль, которой она задалась, это обработать умы такъ, чтобы на каждое получаемое впечатлѣніе автоматически реагировалъ желаемый рефлексъ, рефлексъ прусскій, или на языкъ настоящаго времени—рефлексъ нѣмецкій. Задача, которую слѣдуетъ выполнить, можетъ быть опредѣлена, какъ созданіе извѣстнаго инстинкта. Инстинктъ же, это стремленіе и притомъ къ точно опредѣленной реакціи, стремленіе, которое не будучи сдерживаемо никакимъ другимъ стремленіемъ, переходитъ въ актъ, какъ только оказывается, немедленно и неудержимо. Чтобы создать подобную склонность, нѣмецкая педагогія дѣйствуетъ путемъ тщательно приспособленнаго подбора. Съ одной стороны она удаляетъ всѣ влиянія, могущія возбуждать или поддерживать противоположныя склонности. Съ другой стороны, она собираетъ и концентрируетъ всѣ влиянія, могущія создать то состояніе духа, которое надо вызвать. Создавая такимъ образомъ настоящій моноидеизмъ, она дѣлаетъ невозможнымъ обсужденіе, источникъ сомнѣній и колебаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ дѣйствию ту рѣшительность и цѣльность, которыя даютъ ему полноту силы.

Разсматривая детально нѣмецкую систему воспитанія, мы видимъ, что она постоянно руководствуется подобными принципами. Нѣмецкіе школьники тщательно ограждаются отъ искушенія непосредственно ознакомиться съ чѣмъ бы то ни было иностраннымъ. Все иностранное, утверждаютъ нѣмцы, можетъ быть видимо въ настоящемъ его видѣ только сквозь призму нѣмецкихъ взглядовъ.

Если съ одной стороны нѣмецкая педагогія тщательно обходитъ или перетолковываетъ на свой ладъ все не нѣмецкое, то съ другой стороны она одновременно нагромождаетъ и выдвигаетъ всѣ надежныя и ведущія прямо къ цѣли средства, которыми она располагаетъ, чтобы создать исключительно германскій образъ мышленія. Гимнастика, грамматика, ариметика, географія, танцы, естественная исторія, иностранные языки и литература, работа, игры, чтеніе, прогулки, торжества, религія, попойки и пирушки: во всемъ превозносится Германія, во всемъ подчеркивается ея исключительность и несравненность. И все воспитываетъ нѣмца къ презиранію и къ эксплуатированію иностранцевъ.

Никакія занятія не способствуютъ такъ достиженію этой цѣли, какъ изученіе исторіи. Преимущественная роль, которую играетъ въ нѣмецкой педагогій приѣмъ замалчиванія, здѣсь особенно бросается въ глаза. Всѣ руководства по исторіи, которыя даютъ въ руки школьникамъ, озаглавлены: *Weltgeschichte*, «Всемирная исторія». Мѣсто же, которое въ нихъ занимаютъ остальные, кромѣ нѣмцевъ, народы, крайне ограничено и все, что въ нихъ о не нѣмцахъ допущено, систематически обезцѣнивается. Наоборотъ, роль Германіи выдвинута на первый планъ и превозвеличивается на каждой страницѣ. Вся исторія направлена къ идеѣ повсемѣстнаго водворенія царства Божьяго, т. е. германскаго, на землѣ.

Исторія раздѣлена на два періода, изъ которыхъ одинъ въ сущности составляетъ только вступленіе: періодъ до и періодъ послѣ столкновенія Рима съ Германіей. И этапы всемирной исторіи, начиная съ побѣды Германа (Армина) надъ Квинтилиемъ Варомъ, отмѣчены именами Оттона Великаго, Лютера, Фридриха II и Бисмарка. Въ 1864 г. начинается послѣдняя и окончательная фаза исторіи. Начиная съ войны Германіи съ Даніей, въ самомъ дѣлѣ, исторія міра идетъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ впередъ, уже безъ задержекъ и уклоненій, къ своимъ преднамѣченнымъ судьбамъ. Въ виду этого обученіе всемирной исторіи въ нѣмецкихъ школахъ и начинается съ 1864 г. Выдающийся англійскій зоологъ, Г. Чальмерсъ Митчелль, въ замѣчательной книгѣ, озаглавленной «Эволюція и война» (изд. 1915 г.) находитъ, что исторія, такимъ образомъ обработанная, профильтрованная, обеззараженная и начиненная, походитъ менѣе на то, что мы называемъ исторіей, чѣмъ на разводку культуръ для психологической прививки.

Германія воспитательница всего міра. Но въ началѣ народы не расположены признать за нею право на эту роль. Мы знаемъ, что обожествляющая себя германская педагогія начинаетъ свое воспитательное воздѣйствіе наведеніемъ страха. *Timor Domini initium sapientiae.* ²⁾ Подобнымъ же образомъ Германія должна первоначально внушить ужасъ народамъ. Вотъ почему она постоянно или обрушивается на нихъ войною, или угрожаетъ имъ. Она неотступно держитъ ихъ передъ альтернативой: покориться или погибнуть. Хотя Германія, когда не объявляетъ войны, обыкновенно употребляетъ угрозы, все же она умѣетъ прибѣгать и къ средствамъ оболыщенія. Она охотно становится двуличной, дѣлая

²⁾ Страхъ Божій—начало мудрости.

съ одной стороны пріятливое, любезное лицо, *koketirend*, какъ говорятъ нѣмцы, чтобы общаться разумнымъ народамъ свое покровительство, съ другой—въ то же время надѣваетъ грозную маску, чтобы утратить непокорныхъ.

Германія, впрочемъ, не хочетъ войны, ради войны, она искренно миролюбива. Но она всегда держится самымъ настоящимъ образомъ наготовѣ къ войнѣ. И когда ей кажется, что народы положительно дѣлаются дерзкими (*Als die Römer frech geworden* ³⁾ говорится въ пѣснѣ), когда она боится, какъ бы продолжительность мира не смягчила ея подданныхъ, она рѣшительно примѣняетъ великій естественный и божественный законъ, который требуетъ, чтобы миръ былъ всегда лишь завершеніемъ войны и поддерживался только вновь начинаемыми, удачными войнами. Война при этомъ ведется согласно воли Провидѣнія, со всею жестокостью первобытныхъ народовъ, совсѣмъ не считаясь съ протестами душъ чувствительныхъ, иначе говоря, женственныхъ. Война ведется Пруссіей, которая стоитъ выше той посредственной индивидуальной морали, какъ конца въ себѣ, на которой остановился Кантъ, но которая имѣетъ только относительную цѣнность и касается, во всякомъ случаѣ, только каждаго человѣка въ отдѣльности. Пруссія, какъ высшая осуществительница божественнаго промысла, можетъ имѣть обязательства только по отношенію къ самой себѣ. Иначе говоря, ея долгъ не допускать въ своихъ отношеніяхъ съ другими государствами иного закона, какъ право сильного и всѣми средствами стараться всегда быть болѣе сильной, чѣмъ они. Ея задача организовать Германію, потомъ весь міръ и пересоздать человѣчество. Ея дѣло сходно съ дѣломъ постройки большихъ средневѣковыхъ каедральныхъ соборовъ. Кому какое дѣло въ настоящее время до бѣдствій, низостей, несправедливостей, преступленій и жестокостей, которыя могли сопровождать благочестивую работу, являясь притомъ ея послѣдствіемъ? Что такое отдѣльныя личности по отношенію къ грандіозному, коллективному дѣлу созиданія, въ которомъ они участвуютъ, не понимая его? Эти личности вновь погружаются въ Лету, откуда онѣ всплыли только на одно мгновеніе по зову духа, которому нужны были ихъ руки, чтобы явить себя. Но плодъ этихъ рукъ остается—плодъ, который одинъ только и имѣетъ значеніе. Къ тому же, кто сможетъ обвинить Германію въ низкомъ избіеніи честныхъ и безобид-

³⁾ Когда римляне стали дерзкими.

ныхъ народовъ, обвинить въ томъ, что она отрекалась отъ своей подписи, что убивала дѣтей, стариковъ и женщинъ, что она съ грубостью дикарей вливала свою благородную кровь въ выродившіяся расы... когда весь свѣтъ станетъ нѣмецкимъ и будетъ воспитанъ въ прославленіи и благословеніи нѣмецкаго ига?

Какъ наука и метода, порожденные умомъ, даютъ всемогущество и возможность пересоздать міръ, такъ и дѣло, разъ оно закончено, реагируетъ на душу и сердце человѣка и вызываетъ въ немъ чувство. Спасенные Германіей и возрожденные ею къ новой жизни народы со временемъ полюбятъ ее.

Таковой мнѣ представляется нѣмецкая идея. Гейне говорилъ: «Германія, это душа, которая ищетъ себѣ тѣло». Германія съ постоянствомъ, съ методичностью и съ твердостью, которая важно цѣнить по достоинству, задумала планъ устройства человѣческаго общества, отождествилась съ этимъ планомъ и, все болѣе и болѣе систематично, пустила въ ходъ всѣ физическія и моральныя силы, которыми только можетъ располагать человѣкъ, чтобы осуществить его.

Нѣмцы убили въ себѣ то, что люди называютъ искренностью, т. е. способность чистосердечно дѣйствовать, говорить и думать по правдѣ. Все для нихъ является средствомъ, уловкой, способомъ, комбинаціей, которая ведутъ къ осуществленію ихъ честолюбія. Во всемъ, что они говорятъ, во всемъ, что они дѣлаютъ, въ негодованіи, которое проявляютъ, въ ласкахъ, которыя они оказываютъ, «замѣтно намѣреніе, и это возбуждаетъ безпокойство» (слова Гете).

Разрушить въ себѣ искренность, это разрушить въ другихъ довѣріе къ себѣ.

Еще однимъ германскимъ софизмомъ, наконецъ, объясняетъ свое презрѣніе къ истинѣ, болѣе высокой ступеню правдивости, искренностью совершенно исключительною. Настоящая искренность, учать нѣмецкіе философы, непременно требуетъ соответствія словъ и поступковъ, не съ неизмѣнной формулой, не съ мертвой буквой, а съ живымъ принципомъ, изъ котораго проистекаетъ всякая истина и всякое бытіе, т. е. съ неуловимымъ трансцендентнымъ сознаниемъ.

Единственная искренность, которая дѣйствительно идетъ въ счетъ, это трансцендентальное сознание, она одна и притомъ всеобща, наши же частныя сознанія всегда являются только ея несовершеннымъ отображеніемъ. Трансцендентальное сознание удѣлъ именно нѣдръ нѣмецкой души и только ея одной. И такимъ образомъ нѣмцы одни судятъ своей искренности также, какъ своей отвѣтственности вообще. До мнѣнія о нихъ другихъ людей имъ нѣтъ никакого дѣла.

Возможно ли, скажутъ, чтобы такія странныя идеи могли имѣть практическое значеніе; и если въ самомъ дѣлѣ, философія, пропитанная такими идеями направляетъ въ настоящее время мысль не только нѣкоторыхъ людей съ оригинальнымъ складомъ ума, но и самого нѣмецкаго народа, взятаго въ совокупности, то можемъ ли мы видѣть въ этомъ явленіи что либо другое, чѣмъ случай сумасшествія, уже не единичнаго, а коллективнаго: явленіе, конечно, весьма интересное для психолога или врача, но неспособное оказать реальное вліяніе на судьбы человѣчества.

Было бы въ высшей степени неосторожнымъ смотрѣть на данную дѣйствительность просто какъ на объектъ медицинскаго изслѣдованія или предметъ для академическихъ преній. Не въ томъ дѣло, правдоподобны-ли эти идеи или нелѣпы, трудно-ли, или легко опровергнуть ихъ. Не въ томъ дѣло, здоровы или разстроены мозги, пропитанные ими; а въ томъ, что эти идеи не остались отвлеченными. Путемъ психологической дрессировки, путемъ постоянного искусства примѣненія цѣлой системы, не только матеріальнаго, но и моральнаго характера, эти идеи, въ самомъ дѣлѣ получили тѣлесность, стали сѣдами, стали принципами активной дѣятельности. Душа получила тѣлесность, по словамъ Гейне. Тѣло же это собственно цѣлая система инстинктовъ, склонностей и привычекъ, усвоенныхъ, установившихся и образовавшихъ одно общее цѣлое такимъ образомъ, что они впредь имѣютъ способность сопротивляться, самосохраняться и развиваться.

Германія въ настоящее время, а вмѣстѣ съ нею и значительная часть Австро-Венгріи, пропитана до мозга костей образомъ мысли и сужденія, волей и чувствами, привитыми ей прусскимъ господствомъ. Разсчитывать вернуть ее въ то умственное и нравственное состояніе, въ которомъ она находилась, когда еще не подпала подъ это вліяніе, праздная мечта. Напрасно было бы отрицать внутреннюю способность къ самовозстановленію и къ концентраціи силъ у страны, для которой эпохи 1648 и 1806 г.г. были

шагомъ назадъ, подготовляющимъ новый порывъ впередъ. А могущество нѣмецкихъ педагогическихъ методовъ достаточно проявилось въ глубокой умственной и нравственной однородности, которая тамъ характерна въ настоящее время для цѣлаго ряда народностей, столь различныхъ по происхожденію и традиціямъ. Сколько насчитывается знаменитыхъ нѣмцевъ, сколько большихъ германскихъ городовъ, имена которыхъ, болѣе или менѣе измѣненные, указываютъ на славянское, латинское или кельтическое происхожденіе! Если иногда это происхожденіе и оставило слѣды, или даже выразилось въ сильномъ сопротивленіи германизации, то въ большинствѣ случаевъ нѣмецкій отпечатокъ кажется удивительно глубокимъ.

Послѣ, какъ и до войны, этотъ типъ, полный ума и воли, который, объединяя нѣмецкія души, создалъ германизмъ, будетъ продолжать существовать. Германія измѣнится, если ей суждено измѣниться только путемъ внутренняго, нравственнаго перерожденія. Но кто можетъ сказать, что подобное перерожденіе наступитъ?

Что зависитъ отъ насъ, это имѣть завтра не менѣе твердую волю, чѣмъ сегодня, поддержать не на словахъ, а на дѣлѣ священные принципы, за которые мы боремся: свободу и человѣческое достоинство, независимость какъ великихъ, такъ и малыхъ народовъ, уваженіе къ справедливости и нравственности въ международныхъ сношеніяхъ и сношеніяхъ между отдѣльными личностями.

Что зависитъ отъ насъ, это дать себѣ отчетъ въ смертельной опасности, которая намъ угрожаетъ въ случаѣ, если мы посмотримъ на эту войну просто какъ на кошмаръ, ужасный, конечно, но скоро преходящій и вообразимъ, что по подписаніи мира мы будемъ въ состояніи вновь начать нашу жизнь съ того момента развитія, на которомъ она остановилась въ іюлѣ 1914 г.

Мы въ должной степени предупреждены. Угрозы германскаго императора и генерала фонъ-Бернгарди, официальныхъ истолкователей нѣмецкихъ идей, не были пустыми словами. Германія считаетъ владычество надъ міромъ, а въ особенности окантаніе и порабощеніе Франціи непремѣннымъ условіемъ для своего существованія. *Weltherrschaft oder Niedergang!* «Всемирное владычество или паденіе!» вотъ ея девизъ. Впрочемъ Германія давно уже вѣритъ и не смотря ни на что во всемогущество идеи, чтобы создать фактъ, во всемогущество воли и системы, чтобы вызвать силу духовную, объе-

диненіе, энтузіазмъ и настойчивость, такъ же, какъ и физическую мощь. Не количество видимой силы, которая у нея останется послѣ войны явится мѣриломъ опасности, которой она будетъ еще подвергать человѣчество, а степень настойчивости ея воли въ стремленіи къ господству, возвеличенію и угнетенію. Тайная, невидимая, скрываема, отрицаемая, эта воля, если судить о будущемъ по прошедшему, будетъ продолжать существовать. А что такое мирный договоръ? Что такое обязательство нѣмцевъ? Нѣмецкая искренность состоитъ въ томъ, чтобы вполне сознательно употреблять всѣ представляющіяся средства, чтобы обмануть другихъ на благо Германіи.

Мы, конечно, понимаемъ, и не забудемъ впредь, что проповѣдывать разоруженіе, это значить желать отдаться во власть Германіи и что пацифизмъ означаетъ согласіе на германизацию всего міра. Не случайно Нобелевская премія мира была въ 1914 г. обѣщана Вильгельму II.

И въ насъ, конечно, постоянно будетъ господствовать мысль, что то, что составляетъ нашу Францію, это наша земля, которая насъ сдѣлала своими и которую мы сдѣлали своею, это нашъ народный духъ, выразившійся въ нашихъ традиціяхъ, въ нашей исторіи, въ нашей литературѣ, въ нашихъ памятникахъ, въ нашихъ нравахъ, въ нашемъ государственномъ устройствѣ; такъ что пренебрегать нашимъ прошлымъ, чтобы имѣть въ виду только будущее, отвлеченное и туманное, значило бы лишать наши французскіе взгляды ихъ внутренняго содержанія, ихъ красоты, ихъ жизни, ихъ дѣйствія на душу народовъ и низвести ихъ въ состояніе пустыхъ звучныхъ словъ, которыя не породятъ больше ничего, потому что они оторваны отъ живой жизни. Конкретнымъ и реальнымъ является прошлое; сохранить свою личность, это значить осуществить своему прошлому его цѣль въ настоящемъ и сохранить ему его виды на грядущее.

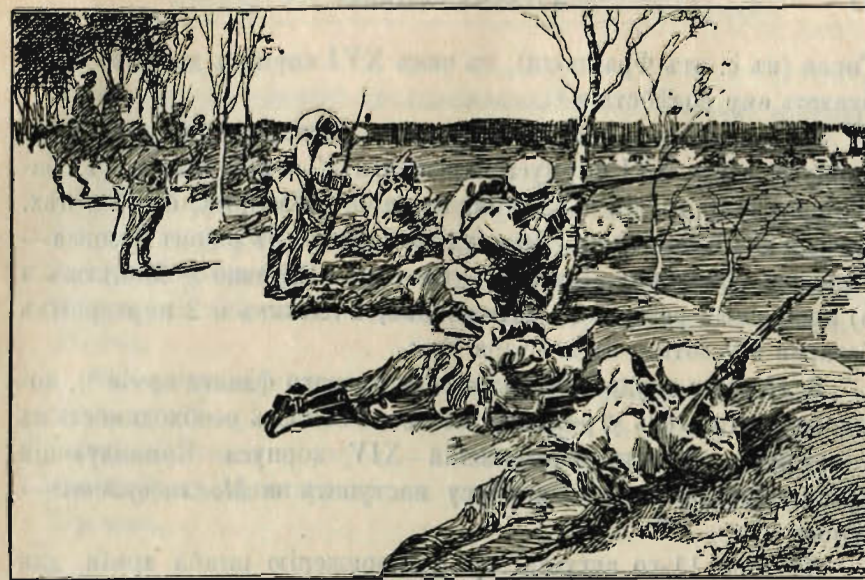
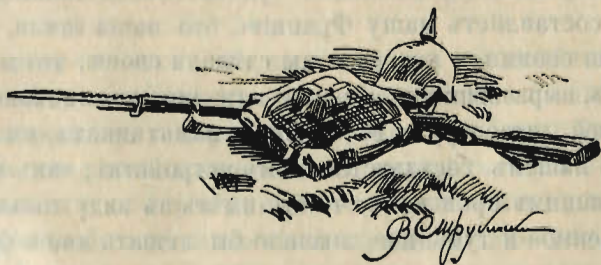
Но если содѣйствовать сохраненію и процвѣтанію Франціи, наслѣдію отъ нашихъ отцовъ, является нашимъ первымъ долгомъ, то результатомъ настоящей войны должно быть то, что намъ придется отказаться отъ придаванія преувеличеннаго, чуть ли не жизненнаго значенія мелочнымъ разногласіямъ, имѣющимъ въ сущности совершенно ничтожное значеніе.

Можно жить, не навязывая другимъ свои вѣрованія, свои мнѣнія, свои привычки и не претендуя на господство и угнетеніе другихъ. Но, что станетъ съ человѣческой жизнью, если у нея

отнять ея традиціи, ея разнородность, ея свободу, ея поэзію, отнять вѣрность, справедливость и человѣколюбіе?

Между тѣмъ и завтра, какъ сегодня, намъ придется отстаивать эти высшія блага, если мы хотимъ ихъ сохранить.

М. Кривъ.

Эпизоды изъ перваго погрома австро-германцевъ.

XVI армейскій корпусъ въ составѣ IV арміи въ началѣ войны съ австро-германцами 12-го и 13-го августа 1914 года ¹⁾.

(Изъ записокъ бывшаго командира корпуса).

Дѣйствія XVI корпуса 10-го и 11-го августа.

10-го августа 1914 года IV армія, въ составѣ трехъ корпусовъ, XIV, XVI и гренадерскаго, начала наступленіе отъ линіи Монаки—Вильколазь — Быхава — Хмѣль—Домбе—Горжковъ къ Таневской лѣсной полосѣ, имѣя ближайшею цѣлью пораженіе войскъ противника, обнаруженныхъ на линіи Закликовъ—Яновъ и за р. Поръ въ районѣ Щебрешинъ—Фрамполь, при чемъ корпуса направлялись на фронты: XIV—Закликовъ—Модлиборжице, XVI—Яновъ—Фрамполь и гренадерскій — Туробинъ—Звѣржи-нецъ; гренадерскій корпусъ долженъ былъ овладѣть высотами у

¹⁾ Дѣйствія XVI корпуса до утра 12-го августа 1914 г. изслѣдованы возможно подробно въ соответствующей статьѣ, помѣщенной въ №№ 7 и 8 «Военнаго Сборника» 1916 г.